

Въ родномъ гнѣздѣ.

Лѣтопись рода Бутовскихъ.

III.

Родоначальникомъ нашей фамилиі былъ выходецъ изъ Молдавіи Александръ Юрьевичъ Бутовскій. Какую фамилію носилъ онъ у себя дома, достовѣрныхъ свѣдѣній мы не имѣемъ, но Бутовскимъ онъ сталъ называться уже въ новомъ своемъ отечествѣ, вѣроятно по созвучію съ прежней своей фамиліей. Въ „Родословной“ говорится, что онъ былъ „благородный уроженецъ Молдавскій“, и „выѣхалъ въ Россію въ 1730 году въ царствованіе блаженнаго и вѣчно достойнаго памяти Государыни Императрицы Анны Іоановны съ Молдавской націи, оставя тамо свое отечество мѣстности и немалое число грунтовъ, началъ продолжать службу Всероссійскому Престолу съ того же 730 году въ Арміи при господину Генераль-Фельдмаршалу Генераль-Фельдцейхмейстеру Лудвигъ Лантъ-Графу Гессенскому и Наслѣдному Принцу Гессенъ-Гомбургскому и былъ при немъ во всѣхъ Польскихъ и Турецкихъ походахъ безотлучно, и въ сраженіяхъ находился противу непріятелей Россійскаго Государства, оказывалъ се я повѣрно присяжной своей должности ревностно не щадя живота и здоровья своего.—Чинами происходилъ 1732-го октября, ротмистромъ Волоскихъ-Хоренгъ; 1737-го апрѣля 8-го въ Малороссійскій Лубенскій полкъ въ сотню Чигринъ-Дубровскую Сотникомъ и 1763 годовъ октября 31 числа въ от-

ставку Полковымъ Асауломъ и будучи въ чинѣ Сотничьемъ тамъ же былъ въ походахъ и въ сраженіяхъ съ непріателемъ: въ 737 въ Очаковскихъ, въ 738 и 739 годахъ въ Крымскихъ; съ 746 по 748 годъ по сентябрь мѣсяць на Днѣпровскихъ форпостахъ въ командѣ Обознаго Полкового Переяславскаго Безбородка; въ 750 и 756 на линіи въ охраненіи Россійскихъ границъ; въ 760 въ Днѣпровскихъ мѣстахъ въ предосторожности отъ непріятеля и съ 762-го годовъ на Дону надъ работниками Командиромъ въ дѣланіи Крѣпости Святаго Дмитрія Ростовскаго черезъ одинъ годъ, и въ прочихъ указныхъ командиращяхъ даже до глубокой своей старости по отставку находился и между тѣмъ по имянному блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны Указу пожаловано было ему Бутовскому въ Малороссіи нынѣ въ Хорольскомъ повѣтѣ состоящіе деревни: Гриньки, Горбы и Сидоры, но по жалобѣ бывшаго Сотника Чигринъ-Дубровскаго Ивана Булюбаша, что тѣ деревни по учиненному слѣдствію отошли во владѣніе ему Булюбашу, то вмѣсто того отъ Войсковой Генеральной Канцеляріи въ 1743 году Іюля 4 дня опредѣлено вышеупомянутому Бутовскому въ полку Лубенскомъ въ Мѣстечку Лукомѣ дворовъ посполитыхъ тридцать со всѣми угодіи и принадлежностями на рангъ Сотничества, котораго имѣнія за отборомъ въ казну въ нихъ Бутовскихъ во владѣніи не имѣется“.

Таковъ послужной списокъ родоначальника нашей фамиліи. Для удобопонятности этого документа считаю не лишнимъ сказать два слова о тогдашнемъ малорусскомъ казачьемъ войскѣ.

Еще въ началѣ XVI столѣтія польское правительство учредило въ Малороссіи двадцать казачьихъ „непремѣнныхъ“ полковъ, въ двѣ тысячи каждый, назвавъ ихъ по знатнѣйшимъ городамъ. Въ теперешней полтавской губерніи были полки: Переяславскій, Миргородскій, Полтавскій, Гадяцкій, Лубенскій, Прилуцкій. Каждый полкъ былъ раздѣленъ на сотни, названныя также по городамъ и мѣстечкамъ. Полки эти наполнялись выбранными изъ куреней и околицъ шляхетскихъ молодыми казаками, записанными въ реестръ военный до положеннаго на выслугу срока, и оттого названными реестровыми казаками. Полками и сотнями командовали выбранные почетными „товарищами“ заслуженные казаки; выбирались также и другіе полковые „старшины“: полковой обозный, полковой судья, полковой

есауль... Всѣ эти выборные начальники, по словамъ историка, у котораго я заимствую эти свѣдѣнія *), оставались въ чинахъ на всю уже ихъ жизнь и завели съ тѣхъ поръ чиновное въ Малороссіи шляхетство, или такъ сказать наследное боярство.

Чигринь-Дубровская сотня Лубенскаго полка занимала важный стратегическій пунктъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, при впаденіи въ него Сулы, какъ разъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ заднѣпровскіе татары особенно часто пытались переправляться для набѣговъ въ Малороссію. Чигринь-Дуброва отстояла верстъ за сто отъ Лубенъ, а потому на Чигринь-Дубровскомъ сотникѣ всегда лежала большая задача самостоятельнаго отраженія неожиданныхъ нападений татарскихъ ордъ. Назначеніе нашего родоначальника сотникомъ именно въ Чигринь-Дуброву показываетъ, что онъ пользовался репутаціей надежнаго начальника отдѣльной части. Замѣчу при этомъ, что чинъ сотника былъ не малымъ чиномъ въ малороссійскомъ полку; это была единственная дѣйствительная командная ступень послѣ полковника. Чины другого званія, полковыя обозныя, полковыя судьи, имѣли свои спеціальныя обязанности, не относящіяся къ командованію и управленію отдѣльными частями.

При отставкѣ, Александръ Юрьевичъ получилъ чинъ полковаго есаула. Это было, кажется, просто почетное званіе, такъ какъ были есаулы разныхъ ранговъ: полковыя, войсковыя и генеральныя. Для нашего родоначальника это было только формальное повышение за безпорочную службу.

Въ этомъ послужномъ спискѣ есть еще довольно запутанное свѣдѣніе о пожалованіи ему деревень и угодій. По этому поводу надо сказать, что въ XVII вѣкѣ въ Малороссіи были такъ называемыя „ранговныя деревни“, которыя отдавались во владѣніе войсковымъ и полковымъ чинамъ на все время дѣйствительной ихъ службы, а по выходѣ ихъ въ отставку переходили къ слѣдующимъ заступающимъ ихъ мѣсто. Высшіе „генеральныя“ чины получали во владѣніе отъ 200 до 400 душъ; „полковымъ“ чинамъ жаловалось конечно гораздо меньше, и 30 дворовъ въ Лукомѣ были повидимому пожалованы въ видѣ ранговыхъ дворовъ для Чигринь-Дубровскаго сотника. Но въ

*) Исторія Русовъ или Малой Россіи, сочъ Георгія Конискаго. М. 1846.

этомъ вопросѣ о пожалованіи есть какая то неясность: почему первоначально были ему пожалованы такія большія уже и въ то время деревни какъ Гриньки, Горбы и Сидоры, и на какомъ основаніи ихъ потребовалъ себѣ обратно Иванъ Булюбашъ, изъ этого документа не видно, но если возможны были такія ошибки какъ пожалованіе угодій, завѣдомо принадлежащихъ другому, то очевидно, что въ то время дѣла о ранговыхъ деревняхъ велись не въ большомъ порядкѣ.

Во всякомъ случаѣ, надо думать, что по выходѣ въ отставку, Александръ Юрьевичъ имѣлъ порядочное собственное недвижимое имущество, независимо отъ отошедшихъ отъ него 30-ти посполитыхъ дворовъ въ Лукомѣ; заключаю это изъ того, что всѣ сыновья его владѣли и людьми и землями въ мѣстечкахъ Еремѣевкѣ и Чигринѣ-Дубровѣ, въ селахъ Шушваловкѣ и Великомъ-Узвозѣ—нынѣ Пронозовка, въ Броваркахъ (тогда еще деревнѣ), а также большою степью, на которую выѣхали нѣкоторые изъ его внуковъ.

На моей памяти Горбы и Сидоры принадлежали уже не Булюбашамъ, а Родзянкамъ, Платону Гавриловичу и Михаилу Гавриловичу. Только въ Гринькахъ было большое имѣніе Булюбаша, Николая Павловича, вѣроятно потомка того Ивана Булюбаша, которому были отданы всѣ эти три деревни. Дѣтей у Николая Павловича не было, и теперь въ Гринькахъ нѣтъ Булюбашей.

Не буду говорить о тѣхъ походахъ и военныхъ дѣлахъ, въ которыхъ принималъ участіе нашъ родоначальникъ; эти войны первой половины XVIII вѣка съ поляками и турками извѣстны изъ исторіи, отмѣчу только, что работы по сооруженію крѣпости Св. Дмитрія Ростовскаго, надъ которыми въ теченіе послѣдняго года своей службы наблюдалъ престарѣлый уже Александръ Юрьевичъ, входили въ планъ той укрѣпленной линіи, которая была устроена малороссійскими казаками въ защиту отъ татаръ между Днѣпромъ и Дономъ.

Въ 1737 г., когда Александръ Юрьевичъ поступилъ въ казачье войско, Малороссією управляла коллегія изъ трехъ чиновъ великороссійскихъ и трехъ малороссійскихъ, образованная въ 1734 г. послѣ смерти гетмана Данила Апостола, а въ годъ выхода его въ отставку, малороссійскимъ гетманомъ былъ графъ Кириллъ Григорьевичъ Рагумовскій.

Лубенскимъ полковникомъ въ годъ опредѣленія Чигринъ-Дубровскимъ сотникомъ, былъ Петръ Апостоль.

Къ этимъ свѣдѣніямъ объ Александрѣ Юрьевичѣ прибавлю, что въ старину я слышалъ разсказъ, будто отецъ его, молдавскій бояринъ Юрій, былъ въ родствѣ съ Кантемирами и оказалъ услуги Петру Великому во время Прутскаго похода. Этимъ и объясняли почему сынъ его былъ такъ радушно принятъ въ новомъ отечествѣ.

Нашъ старый родственникъ, Иванъ Григорьевичъ Бутовскій, помнившій то, что молодое поколѣніе стало уже забывать, разсказывалъ, что Александръ Юрьевичъ былъ хорошо извѣстенъ на тогдашней пограничной линіи. Было даже урочище, верстахъ въ 20 отъ Кременчуга, называвшееся „Шанцы Бутовскаго“, и только позднѣе переименованное въ Павлышъ.

Иванъ Григорьевичъ хорошо помнилъ также, что Александръ Юрьевичъ былъ женатъ на Ефросиніи Иваненко, принадлежавшей къ знатному малороссійскому роду. Можно думать, что эта женитьба и побудила его перейти изъ драгунъ въ малороссійскій Лубенскій полкъ.

У Александра Юрьевича было четыре сына: Бунчуковъ товарищъ Давилъ, капитанъ Григорій, корнетъ Федоръ и возный Кирьякъ.

Давилъ былъ самый богатый изъ братьевъ. Вдова его Анна Федоровна, какъ видно изъ рассматриваемаго дѣла, имѣла въ Еремѣевкѣ 160 душъ мужского пола, въ Тимашовкѣ 71, въ Чигринъ-Дубровѣ, въ Броваркахъ и Великому Узвозѣ 87. Эти послѣднія считались наслѣдственными ея сына Петра. Всѣ прочія числились за нею и неизвѣстно, принесла ли она ихъ своему мужу въ приданое или это были родовыя, унаслѣдованныя имъ отъ отца. Во всякомъ случаѣ это было имѣніе безъ сравненія большее чѣмъ имѣнія другихъ сыновей Александра. Слѣдующій по богатству былъ возный Кирьякъ, но у вдовы его Варвары Ивановны, въ 1801 г. значилось всего въ Чигринъ-Дубровѣ 6 душъ, въ Шушваловкѣ 37, въ Броваркахъ 1 и въ Пелеховщинѣ 1, Григорій и Федоръ были еще менѣе богаты.

Давилъ Бутовскій, какъ и отецъ его, служилъ въ Чигринъ-Дубровской сотнѣ, былъ сотникомъ, а при отставкѣ получилъ почетное званіе Бунчуковаго товарища, равнявшееся по рангу полковому обозному, второму чину послѣ полковника; участвовалъ въ войнахъ: въ 1770 году былъ при осадѣ и штурмѣ Бендеръ, въ 1771 въ Крыму при

взятіи Перекопской крѣпости и города Кефы въ самомъ сраженіи. „А за открытіемъ Кіевской губерніи по выбору благороднаго Дворянства былъ съ 785 года въ Городижскомъ уѣздѣ Земскимъ Исправникомъ три года и въ продолженіи оной должности находился въ 787 году во время шествія блаженной и вѣчно-достоинной памяти Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны съ Кіеварѣкою Днѣпромъ, при чемъ за отличность оказанную имъ въ семъ случаѣ награжденъ знакомъ, золотою табакеркою овальною синею“. ¹⁾

Капитанъ Григорій служилъ въ „Жолтомъ Гусарскомъ полку“, но обстоятельства его жизни и службы неизвѣстны. Вдова его, Федосья Ивановна была еще жива въ 1801 году, не была пожилою женщиною (42 г.), но не дала никакихъ свѣдѣній о своемъ мужѣ, для доказательства его дворянства.

Корнетъ Федоръ служилъ квартирмейстромъ, потомъ вахмистромъ въ Кирасирскомъ полку и чинъ корнета получилъ при отставкѣ.

Кирьякъ Бутовскій „вступилъ въ службу къ письменнымъ дѣламъ въ Полковую Лубенскую канцелярію. Происходилъ чинами 768 значковымъ товарищемъ, въ 770 году избранъ Шляхетствомъ въ сотню Чигриндубровскую возвымъ и въ томъ чинѣ за отлучкою въ походъ настоящаго сотника по опредѣленію Полковой Лубенской канцеляріи былъ на мѣстѣ сотника въ Сотенномъ Чигринъ-Дубровскомъ правленіи въ отправленіи указныхъ дѣлъ, и между тѣмъ исправлялъ и возническую должность по 781 годъ, при увольненіи же отъ службы былъ аттестованъ къ повышенію чина“.

Жена его, моя прабабушка Варвара Ивановна, была урожденная Кодинецъ, изъ большого имѣнія Ракиты, гдѣ еще на моей памяти жили ея родные племянники двоюродные братья моего дѣда, Федоръ Федоровичъ и Дмитрій Федоровичъ Кодицы.

Дмитрій Федоровичъ долго служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, занимая какую то большую должность при нашемъ посольствѣ въ Персіи. Оба они умерли бездѣтными. Варваръ Ивановнѣ въ 1801 году было 54 года.

Людей слѣдующаго поколѣнія, по крайней мѣрѣ нѣко-

¹⁾ Изъ этого мы видимъ, что нашъ городъ Градижскъ по прежнему Городище, до открытія Полтавской губ., былъ уѣзднымъ городомъ Кіевской

торыхъ, я уже помню; это для меня живые образы, тѣсно связанные съ моими воспоминаніями о раннемъ дѣтствѣ.

У Данила Александровича былъ сынъ Пётръ Даниловичъ. Въ годъ составленія „Родословной“ (1801) ему было уже 45 лѣтъ, онъ былъ женатъ и былъ въ отставку съ чиномъ майора. У него было еще три брата, моложе его, Александръ, Данииль и Василій; въ 1801 году Александръ былъ уже въ отставку и женатъ, но ни одинъ изъ этихъ трехъ младшихъ братьевъ не оставилъ потомства и мнѣ никогда не приходилось слышать какого либо упоминанія о нихъ.

Григорій Александровичъ оставилъ сына Ивана Григорьевича, который родился въ 1785 году, и шестнадцати лѣтнимъ юношей служилъ уже канцеляристомъ въ Кіевскомъ губернскомъ правленіи. У него тоже были братья, старшій Данило 19 лѣтъ, служившій уже въ военной службѣ унтеръ-офицеромъ и Іосифъ, 15-ти лѣтъ, жившій еще при матери. Эти два послѣдніе тоже не оставили послѣ себя дѣтей.

У Федора Александровича не было сыновей, была только дочь Пульхерія Федоровна, она вышла замужъ за пѣхотнаго капитана Петра Карловича фонъ-Розенберга. Наши родственники фонъ-Розенберги составили себѣ почетное имя своею дѣятельностью въ сѣверныхъ губерніяхъ, но мнѣ не приходилось встрѣчать ни одного изъ нихъ уже болѣе тридцати лѣтъ.

У Кирьяка Александровича было два сына: Иванъ и Пётръ. Пётръ Кирьяковичъ былъ моимъ дѣдомъ.

Ивану Кирьяковичу въ 1801 г. было 36 лѣтъ, онъ былъ уже женатъ и имѣлъ чинъ Коллежскаго протоколиста. Ивана Кирьяковича я не помню, онъ умеръ задолго до моего рожденія. У него было большое семейство, но ни сыновья, ни дочери его не оставили послѣ себя потомства.

Петру Кирьяковичу было въ это время 30 лѣтъ; онъ былъ еще холостъ и значился отставнымъ урядникомъ бывшаго Бугскаго казачьяго полка.

Такимъ образомъ теперешніе Бутовскіе происходятъ отъ трехъ корней. Одна вѣтвь ведетъ свое начало отъ Петра Даниловича; другая отъ Ивана Григорьевича, третья отъ Петра Кирьяковича.

Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя я имѣю о моихъ предкахъ изъ „Родословной“ помѣщиковъ Бутовскихъ. Дѣло это подписано тремя лицами: вдовою Давида Александровича Анною Федоровною, корнетомъ Федоромъ Александровичемъ и вдовою Кирьяка Александровича Варварою Ивановною Бутовскими.

Любопытно, что обѣ женщины, которымъ надо было подписать это дѣло, не умѣли писать. За Анну Федоровну подписался „съ ея велѣнія“ сынъ ея майоръ Петръ Бутовскій; а за Варвару Ивановну тоже ея сынъ коллежскій протоколистъ Иванъ Бутовскій. Это характерно для того времени: жены чиновныхъ людей, какъ моя прабабушка, могли разбирать славянскую печать, но подписать своего имени не умѣли.

Кажется эта „Родословная“, очень обстоятельно составленная, не была представлена въ Кіевское депутатское собраніе, а оставалась дома. Закрываю это изъ того, что на имѣющейся у меня рукописи я вижу подлинныя подписи. Но у меня есть свѣдѣнія, что еще во второй половинѣ XVIII вѣка, сыновья Александра Бутовскаго, въ доказательство своего дворянскаго происхожденія, представили въ Кіевское дворянское депутатское собраніе необходимые документы, и это собраніе по ихъ разсмотрѣніи постановленіемъ 28 мая 1784 г. признало Бутовскихъ потомственными дворянами и опредѣлило всѣхъ четырехъ братьевъ внести въ 4-ю часть дворянской родословной книги и каждому изъ нихъ выдать грамоты.

Повидимому Бутовскіе были внесены тогда въ дворянскую родословную книгу не по собственнымъ своимъ или ихъ отцовъ заслугамъ, потому что въ такомъ случаѣ, на основаніи законовъ, они были бы внесены не въ 4-ю часть, а во 2-ю; въ 4-ю же часть они внесены потому, что собраніе признало ихъ и ихъ предковъ происходящими отъ иностранныхъ дворянъ еще до переселенія въ Россію. Тогда же, вѣроятно, былъ утвержденъ и гербъ фамиліи Бутовскихъ: на голубомъ полѣ воловья голова, на верху которой рука, держащая саблю.

Въ концѣ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія, отецъ мой Дмитрій Пегровичъ Бутовскій представилъ въ Полтавское дворянское депутатское собраніе метрическія свидѣтельства Полтавской духовной консисторіи въ удостовѣреніе происхожденія его по прямой линіи отъ Александра Бутовскаго; онъ доставилъ также метрики своихъ дѣтей и документы

о своей службѣ, и просилъ о занесеніи его съ семействомъ въ ту же 4-ю часть родословной книги. Полтавское дворянское депутатское собраніе, разсмотрѣвъ, что фамилія Бутовскихъ уже болѣе 100 лѣтъ пользуется въ Россіи дворянствомъ, и что происхожденіе Дмитрія по прямой линіи отъ Александра доказано метрическими свидѣтельствами, опредѣленіемъ 20 декабря 1849 г. внесло его Дмитрія Бутовскаго съ семействомъ не въ 4-ю, а въ 6-ю часть дворянской родословной книги, куда опредѣлило перевести и весь родъ Бутовскихъ, по доставленіи прочими лицами метрическихъ свидѣтельствъ. Грамота, выданная отцу 27 ноября 1850 г., подписана Полтавскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства Иваномъ Скоропадскимъ и девятью уѣздными депутатами.

Однако Правительствующій Сенатъ указомъ 31 января 1851 г. не согласился съ опредѣленіями, состоявшимися какъ въ Кіевскомъ такъ и въ Полтавскомъ депутатскихъ собраніяхъ, на томъ основаніи, что не было удостовѣрено должными документами, имѣлъ ли Александръ Бутовскій офицерскій чинъ, когда родились у него его четыре сына. Полтавскому депутатскому собранію предложено было внести Бутовскихъ во 2-ю часть дворянской родословной книги.

Очевидно опредѣленіе Сената состоялось вслѣдствіе непредставленія нѣкоторыхъ существенныхъ свѣдѣній о службѣ и семейномъ положеніи нашихъ предковъ. Для пополненія этихъ свѣдѣній отецъ мой и изучалъ въ 1851 г. „Родословную“ рода Бутовскихъ, составленную въ 1801 году.

Мнѣ не приходилось слышать отъ отца, представлялъ ли онъ куда нибудь собранія имъ свѣдѣнія, и состоялись ли по нимъ какія либо новыя опредѣленія.

Въ моихъ бумагахъ я тоже не имѣю на это никакихъ указаній, но въ настоящее время это и не важно; теперь, по прошествіи болѣе чѣмъ полувѣка, всѣ потомки Александра Юрьевича Бутовскаго имѣютъ почетное право, по заслугамъ ихъ отцовъ и дѣдовъ, считаться родовитыми русскими дворянами.

IV.

Дѣда моего, Петра Кирьяковича я едва припоминаю онъ умеръ 22 мая 1841 г. когда мнѣ было едва лишь три года. Въ 1801 г. ему, какъ мы видѣли, было 30 лѣтъ; изъ

этого я заключаю, что онъ умеръ на 70-мъ году своей жизни. Это былъ добрый, невысокаго роста человекъ, гладко выбритый и въ зимнее время одѣтый въ заячій тулупчикъ. По утрамъ, когда няня приводила меня къ нему, онъ ласково цѣловалъ меня и усаживалъ около себя пить кофе.

Свѣдѣнія мои о Петрѣ Кирьяковичѣ я заимствую отчасти изъ документовъ, собранныхъ моимъ отцомъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ о его службѣ, отчасти же изъ слышанныхъ мною рассказовъ отъ знавшихъ его людей.

Онъ вышелъ въ отставку изъ Бугскаго казачьяго полка съ званіемъ урядника изъ дворянъ въ 1797 г., слѣдовательно въ возрастѣ 26 лѣтъ.

Впрочемъ, всѣ эти свѣдѣнія о его возрастѣ я не считаю безошибочными, такъ какъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ документовъ, „имянномъ спискѣ“, поданномъ о немъ и о его семействѣ въ 1834 г., ему значится не 63 года, а всего 59 лѣтъ. Слѣдовательно онъ могъ выйти въ отставку не 26, а 22 лѣтъ, и умеръ онъ въ такомъ случаѣ не на 70-мъ, а на 66-мъ году жизни. Выйдя въ отставку онъ поселился въ Шушваловкѣ, гдѣ жили въ то время Варвара Ивановна и старшій его братъ Иванъ Кирьяковичъ.

Женился онъ, вѣроятно, около 1804 г., такъ какъ старшій изъ его дѣтей, мой отецъ, Дмитрій Петровичъ родился въ 1805 году.

Къ этому же періоду относится, по всей вѣроятности, и переселеніе Варвары Ивановны съ сыновьями изъ Шушваловки въ Пелеховщину и Вишеньки.

Жена Петра Кирьяковича, Анна Васильевна, происходила изъ рода Пещанскихъ, помѣщиковъ Херсонской губерніи. Можно думать, что она умерла очень рано, такъ какъ мнѣ не случалось слышать о ней никакихъ воспоминаній; но съ Пещанскими, ея херсонскими родственниками, наша семья всегда сохраняла хорошія отношенія.

Кромѣ моего отца у дѣда была еще одна только дочь. Настасья Петровна.

Въ 1807 г., Петръ Кирьяковичъ, по избранію полтавскаго дворянства, поступилъ сотникомъ въ образованное тогда Полтавское земское ополченіе, а когда ополченскія сотни были преобразованы въ батальоны, опредѣленъ казначеемъ и квартирмейстеромъ въ 3-й батальонъ третьей бригады земскаго ополченія.

Въ 1808 г., по заключеніи Тильзитскаго мира, ополченіе

было распущено, и дѣдъ мой вышелъ въ отставку съ чиномъ коллежскаго регистратора, съ пожалованіемъ золотой медали на владимірской лентѣ въ память этого ополченія и съ правомъ носить ополченскій мундиръ.

Въ 1814 г. дѣду была препровождена маршаломъ Полтавскаго дворянства, Алексѣемъ Данилевскимъ, бронзовая медаль въ память войны 1812 г.

Гдѣ и у кого учился мой дѣдъ, я не знаю, но писалъ онъ довольно правильно и складно, что видно изъ сохранившихся у меня его писемъ къ моему отцу, во время его службы.

Дѣти его воспитывались подъ присмотромъ и руководствомъ своей бабушки, Варвары Ивановны, которая, какъ надо думать, всю свою жизнь прожила въ этой семьѣ.

Умерла она на 84 году жизни 24 марта въ 1829 г., и внуки вспоминали о ней съ большимъ уваженіемъ.

Это событіе было записано дѣдомъ, по тогдашнему обычаю, на поляхъ въ старомъ молитвенникѣ, куда отецъ записалъ и его кончину и дни рожденія своихъ дѣтей.

По рассказамъ помнившихъ его людей, дѣдушка Петръ Кирьяковичъ былъ нрава мягкаго и веселаго. Родные охотно его навѣщали, и Настасья Петровна очень любила устраивать для гостей, особенно для своихъ Вишеньковскихъ и Петрашовскихъ родственницъ, разныя деревенскія развлечения, то переодѣваніе, то поѣздки въ зимнее время по первопутку, то танцы.

Въ 1834 г., она была уже замужемъ въ Лубенскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Пятигорцахъ, за помѣщикомъ Григоріемъ Ивановичемъ Ивахненковымъ. Объ этомъ мнѣ приходилось уже говорить въ моихъ прежнихъ воспоминаніяхъ („Прекратившійся родъ“).

Отмѣчу здѣсь, какъ интересную черту малорусской хуторской жизни, что дѣда моего въ простонародіи именовали не Петромъ Кирьяковичемъ, а Петромъ Кирилловичемъ, но „прозывали“ его Кирьяченкомъ, а наша Пелеховщина, какъ я уже раньше замѣтилъ, слыла въ народѣ за „Кирьячинковъ хуторъ“. Почему это такъ вышло, трудно объяснить; южное населеніе любитъ такія переименованія и прозванія, но это вело иногда къ смѣшному недоразумѣнію, какъ это случилось съ исправникомъ: ѣхалъ въ Кирьяковку, а попалъ въ Кирьячинковъ хуторъ.

Отецъ мой имѣлъ всѣ данныя для широкой и полезной

общественной дѣятельности. Онъ былъ человѣкъ хорошо образованный.

Въ дѣтствѣ, когда онъ подросъ до учебнаго возраста, его отдали въ Хорольское уѣздное (повѣтовое) училище.

Въ то время Кременчугскій уѣздъ, какъ и Полтавская губернія, только что были образованы; раньше земли моихъ предковъ принадлежали къ Хорольскому уѣзду, Кіевской губерніи, и ближайшимъ просвѣтительнымъ центромъ былъ Хороль.

Въ училищѣ отецъ обнаружилъ незаурядныя способности. На выпускномъ экзаменѣ ему тринадцати-лѣтнему мальчику поручено было даже произнести передъ собравшейся публикой рѣчь о пользѣ просвѣщенія. Текстъ этой рѣчи, старательно переписанной не смѣлою еще ученическою рукою, хранится въ моихъ бумагахъ ¹⁾.

¹⁾ Для характеристики нашихъ старинныхъ школьныхъ и общественныхъ нравовъ, считаю не лишнимъ привести текстъ этой рѣчи „Краткая благодарственная рѣчь“.

„Съ живѣйшими чувствами глубочайшей признательности, пріемлемъ посѣщеніе ваше, почтенное собраніе! позвольте мнѣ, отъ лица всѣхъ сотрудниковъ моихъ принести вамъ благодарность за то участіе, которое вы принимаете въ торжествѣ нашемъ: тѣмъ оно пріятнѣе, тѣмъ восхитительнѣе для насъ, что мы въ присутствіи вашемъ показали теперь успѣхи годовыхъ нашихъ занятій, и тѣмъ оправдали труды собственные и труды наставниковъ нашихъ. Правда, свѣдѣній, доселѣ уже нами пріобрѣтенныхъ еще недовольно для отечества, оно ожидаетъ отъ насъ болѣе: плоды успѣховъ нашихъ еще не зрѣлы; по крайней мѣрѣ здѣсь въ семъ мирномъ убѣжищѣ наукъ получили мы первыя образованія ума и сердца, пріобрѣли первыя, самыя необходимыя свѣдѣнія для человѣка—здѣсь показаны намъ всѣ средства для достиженія той высокой цѣли, которая столь явственно отличаетъ воспитаніе, отъ грубаго невѣжества: здѣсь, говорю, вопреки мнѣнію неблагомыслящихъ, показанъ намъ безпрепятственный путь къ дальнѣйшему прохожденію труднаго поприща наукъ“.

„Щастливы мы, щастливы стократно, что родились во время Благословеннаго царствованія Премудраго Александра, пекущагося о образованіи юныхъ умовъ и сердець: прими же чадолюбивый Монархъ, сидящій на Сѣверѣ во славу сердечную дань любви отъ юнѣйшихъ чадъ твоихъ обитающихъ на Югѣ Россіи! да воссіяетъ имя твое подобно именамъ Августа и Тита въ исторіи рода человѣческаго“.

„Говорена при публичномъ испытаніи учениковъ, Хорольскаго повѣтоваго училища 1818 г. іюня 26 дня, ученикомъ сего училища второго класса высшаго отдѣленія Дмитріемъ Бутовскимъ“.

Возможно, что рѣчь была тронута рукою учителя, но это не умаляетъ ея значенія, какъ характернаго педагогическаго документа того времени, особенно, если принять во вниманіе, что ее произносилъ маленькій ученикъ.

Изъ училища онъ перешелъ въ Полтавскую гимназію, изъ гимназіи въ Харьковскій университетъ, который и окончилъ дѣйствительнымъ студентомъ по нравственно-политическому факультету.

По окончаніи университета, въ 1827 г. онъ опредѣлился въ канцелярію кievскаго военнаго губернатора, но пробылъ тамъ недолго; въ 1828 г. онъ поступилъ въ военную службу и, по тогдашнимъ правиламъ, прослуживъ шесть мѣсяцевъ юнкеромъ въ Низовскомъ Егерскомъ полку (2-й армейскій корпусъ, 7-я дивизія), былъ произведенъ въ тотъ же полкъ прапорщикомъ.

Полкъ его находился въ то время сначала на югѣ въ Одессѣ, а потомъ въ западномъ краѣ, и мѣнялъ свои квартиры отъ Гомеля до Гродно, отъ Гродно до Смоленска и т. д.

Въ 1831 г. отецъ принималъ участіе въ усмиреніи шаекъ польскихъ мятежниковъ въ губерніяхъ Западнаго края.

Какъ офицеръ университетскаго образованія, отецъ обратилъ на себя вниманіе начальства. 5-го апрѣля 1834 года онъ получилъ такое предписаніе за подписью своего командира полка, полковника Чадейскаго: „Низовскаго Егерскаго полка господину подпоручику Бутовскому“.

„Въ слѣдствіе отношенія ко мнѣ дежурнаго штабъ-офицера маіора Маковѣва отъ 4-го сего мѣсяца за № 930, предлагаю Вашему Благородію съ полученія сего отправиться въ Корпусную Квартиру Г. Плоцкъ и явиться въ Корпусное Дежурство, для исправленія въ ономъ должности Старшаго Адъютанта.....“¹⁾

Отецъ охотно принялъ на себя эту должность адъютанта въ корпусномъ дежурствѣ, такъ такъ эта была ступень, обѣщавшая ему незаурядное движеніе по службѣ. Работа, сопряженная съ этой должностью, вполне соответствовала его характеру и наклонностямъ. Но дѣдъ мой, выдавъ дочь замужъ и чувствуя свое одиночество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и упадокъ силъ, вызвалъ его управлять имѣніемъ.

Отецъ вышелъ въ отставку осенью 1836 г. съ чиномъ штабъ-капитана.

Повидимому и въ годы ученія и на службѣ, онъ пользовался расположеніемъ своихъ товарищей. У него завязались теплыя отношенія, которыя поддерживались до конца его жизни.

Припоминаю, что, отдавая меня въ Полтавскій кадетскій

¹⁾ Сохраняю правописаніе подлинника.

корпусъ, онъ встрѣтилъ тамъ, между служащими, двухъ своихъ гимназическихъ однокашниковъ: полковника Александра Михайловича Ярошенко, занимавшаго должность полицмейстера, и доктора Исаева старшаго врача корпуса.

Александръ Михайловичъ рассказывалъ мнѣ потомъ, что отецъ мой, находясь въ должности адъютанта, узналъ его въ корпусномъ штабѣ, куда онъ являлся молодымъ офицеромъ по дѣламъ службы, обошелся съ нимъ очень тепло и охотно облегчилъ ему исполненіе всѣхъ служебныхъ формальностей.

Въ Полтавѣ былъ и еще одинъ товарищъ отца по гимназіи, Иванъ Ивановичъ Боровиковскій. Въ концѣ сороковыхъ годовъ онъ былъ инспекторомъ гимназіи, и въ то время я бывалъ у него съ отцомъ раза два или три.

Иванъ Ивановичъ былъ роднымъ племянникомъ извѣстнаго живописца Владиміра Лукича Боровиковскаго, и я помню, что онъ охотно рассказывалъ отцу о своемъ дядѣ. Помню также превосходную небольшую икону нерукотвореннаго образа, работы великаго художника, на которую мой отецъ всегда смотрѣлъ съ большимъ благоговѣніемъ.

Изъ университетскихъ товарищей отца я близко зналъ Андрея Васильевича Остроградскаго, родного брата извѣстнаго математика Михаила Васильевича. Это былъ богатый помѣщикъ Кобелякскаго уѣзда; крупный человекъ живого и отзывчиваго нрава. Онъ былъ хорошо образованъ, свободно говорилъ по французски, читалъ *Journal des Débats* и по тогдашнему времени былъ романтикомъ и даже отчасти мистикомъ. Многія явленія въ жизни онъ склоненъ былъ объяснять таинственными вліяніями.

Когда отецъ возилъ меня въ Полтаву, мы обыкновенно заѣзжали къ нему, въ его имѣніе Пашенную и оставались тамъ цѣлый день. Онъ былъ сердечно привязанъ къ моему отцу. Раза два, три въ годъ, навѣщая свою дочь, бывшую въ замужествѣ за Николаемъ Осиповичемъ Милькевичемъ, въ Теренякахъ, въ девяти верстахъ отъ насъ, онъ бывалъ и въ Пелеховщинѣ, и это былъ настоящій праздникъ для моего отца.

Хорошо помню также и другого университетскаго товарища отца, Харлампія Давиловича Здорова. Онъ былъ директоромъ Хорольскаго уѣзднаго училища. Выйдя въ отставку, онъ поселился съ двумя своими сестрами въ Рѣшетилонкѣ, большомъ мѣстечкѣ между Хороломъ и Полтавою, гдѣ у него была наслѣдственная усадьба. По дорогѣ въ Полтаву

отецъ мой непременно заѣзжалъ ночевать къ Харлампію Даниловичу. Это былъ простой и добрый человекъ, большой любитель и знатокъ малороссійской старины. Припоминаю, что у него видѣлъ грамоту, подписанную Мазепою, а на стѣнахъ превосходныя литографіи работы Шевченко.

Университетскія связи были тогда очень тѣсны, поэтому неудивительно, что и Андрей Васильевичъ Остроградскій, по пути въ Полтаву, тоже непременно останавливался у Здорова. Эти пріятельскія отношенія между тремя сверстниками продолжались всю ихъ жизнь. У Здорова была сестра Матрона Даниловна, типичная малорусская полумѣщанка, полубарыня; она радушно и заботливо принимала друзей брата.

Въ Низовскомъ полку мой отецъ дружески сошелся съ Дмитріемъ Михайловичемъ Старицкимъ, который былъ также и его одноклассникомъ по гимназій. Старицкій былъ помѣщикомъ Константиноградскаго уѣзда.

Я говорилъ уже о Дмитріи Михайловичѣ („Прекратившійся родъ“), какъ объ очень талантливомъ актерѣ особенно въ малороссійскихъ пьесахъ. Скажу здѣсь, что это былъ человекъ превосходнаго сердца и добраго, веселаго нрава. Случилось такъ, что сынъ его, Миша, учился въ томъ же пансіонѣ Ганнота, гдѣ и я. Въ суровую зиму 47-го года отецъ мой не рѣшился взять меня домой на рождественскіе праздники. Дмитрій Михайловичъ, узнавъ, что я остаюсь въ городѣ, взялъ меня къ себѣ въ свою Ладыженку, верстахъ въ сорока отъ Полтавы. И онъ и милая его супруга, Екатерина Лаврентьевна, были чрезвычайно добры ко мнѣ. Припоминаю, что вмѣстѣ съ Мишей мы провели праздники такъ весело и разнообразно, что намъ ужасно не хотѣлось возвращаться въ пансіонъ. Оба мы плакали. Дмитрій Михайловичъ шутливо говорилъ намъ, что мы пошли не въ отцовъ: тѣ никогда не уклонялись отъ своихъ обязанностей.

По выходѣ въ отставку, ему не приходилось встрѣчаться съ моимъ отцомъ до 1858 г., когда отецъ мой пріѣхалъ въ Полтаву, какъ членъ комитета по крестьянскимъ дѣламъ. Но зато какъ сердечно, какъ дружески встрѣтились они послѣ слишкомъ двадцатилѣтняго перерыва.

Помню я и другого сослуживца отца по Низовскому Егерскому полку, Василія Николаевича Сухинскаго. И тутъ случилось такъ, что сынъ его Дмитрій, чудесный мальчикъ, былъ моимъ одноклассникомъ въ Полтавскомъ корпусѣ. Услышавъ отъ меня эту фамилію, отецъ мой восторженно встрепенулся. Это былъ его пріятель, о которомъ онъ вспоминалъ, какъ о

героѣ, тяжело раненомъ въ турецкую кампанію 1829 г., и по рассказамъ, стойко выдержавшимъ болѣзненную процедуру извлеченія пули. Тогда не было еще анестезирующихъ средствъ; но Василій Николаевичъ лежалъ, не проронивъ ни звука, и попросилъ только позволенія закурить трубку.

Разсказывали, что при этомъ присутствовалъ адъютантъ великаго князя Михаила Павловича, Ростовцевъ, и пришелъ въ восторгъ отъ такой удивительной выносливости.

Мой милый товарищъ, Дмитрій Сухинскій, умеръ кадетомъ, но отцы наши свидѣлись, когда онъ былъ еще живъ, и это было тоже очень трогательное свиданіе.

V.

Выйдя въ отставку и поселившись въ Пелеховщинѣ, отецъ мой по временамъ ѣздилъ въ Пятигорцы къ своей сестрѣ и ея мужу, и проводилъ у нихъ обыкновенно по нѣсколько дней. Пятигорцы, какъ мнѣ приходилось уже говорить, находятся въ Лубенскомъ уѣздѣ, верстахъ въ семидесяти отъ насъ. Тутъ онъ познакомился съ семействомъ фонъ-Райзеръ, и лѣтомъ 1837 г. сдѣлалъ предложеніе средней изъ трехъ сестеръ, Надеждѣ Степановнѣ. Осенью состоялась свадьба. Скажу къ слову, что вѣнчалъ ихъ въ селѣ Юсковцахъ священникъ Иванъ Яновскій, который черезъ годъ крестилъ меня, лѣтъ черезъ двадцать пять вѣнчалъ сестру мою Ольгу Дмитриевну съ Александромъ Васильевичемъ Кореневымъ, а спустя еще лѣтъ десять вѣнчалъ брата моего Федора Дмитриевича съ Надеждою Григорьевной Ивахненковою.

Родители мои поселились въ Пелеховщинѣ. Дѣдушка Петръ Кирьяковичъ очень привязался къ моей милой, кроткой и любящей мамѣ. Онъ прожилъ еще почти четыре года послѣ ихъ свадьбы, и я думаю, что эти годы были спокойными и пріятными годами для стараго человѣка.

Мнѣ приходится теперь говорить о моемъ дѣтствѣ. То, что складывается о немъ въ моей памяти, можетъ быть и не всегда отвѣчаетъ дѣйствительности; но во всякомъ случаѣ въ моемъ воображеніи живутъ картины и образы, на которыхъ мнѣ хочется остановиться, такъ какъ съ ними связаны мои далекія, отрадные для меня воспоминанія.

Насъ было семеро дѣтей у нашихъ родителей: пять братьевъ и двѣ сестры. По возрасту мы слѣдовали такъ:

послѣ меня сестра Ольга, потомъ братья Владиміръ, Федоръ, Николай, Евгеній и сестра Марія. Разница въ лѣтахъ была большая; Маша родилась въ годъ моего производства въ офицеры, когда мнѣ было уже 18 съ половиною лѣтъ.

Мы жили дружною семьею, и жизнь нашъ протекала въ полномъ спокойствіи и равновѣсіи. За всю мою молодость я не припомню, чтобы это спокойствіе было когда либо поколеблено какими нибудь семейными несогласіями.

Мы любили отца, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не скажу боялись, а признавали его непреложный авторитетъ.

Это былъ сложный характеръ. Онъ былъ живого нрава, отзывчивъ, чутокъ, прекрасно владѣлъ рѣчью, всегда и вездѣ онъ былъ интереснымъ собесѣдникомъ и былъ замѣтенъ въ обществѣ. Въ житейскихъ своихъ отношеніяхъ онъ былъ человѣкъ очень добрый. По живости характера онъ легко возбуждался, но сразу остывалъ и становился добръ до слабости. Это хорошо знали всѣ наши люди; они любили и уважали отца, охотно дѣлали въ угоду ему многое, чего не дѣлали для другихъ господъ крѣпостные люди, но случалось, что и пользовались его сердечностью. Хозяйство шло у него не дурно, но оно могло бы идти гораздо лучше, если бы у него было не такъ много этой сердечной снисходительности. На это не разъ дружески указывалъ ему мой дядя Алексѣй Степановичъ.

— „Твой отецъ,—говаривалъ онъ мнѣ, когда я былъ уже офицеромъ,—остается поэтомъ и въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, и это конечно тормозитъ иногда его хорошо задуманныя предпріятія...“

При такихъ свойствахъ своего характера, отецъ мой былъ въ высокой степени точенъ въ исполненіи всего того, что онъ считалъ своимъ нравственнымъ или служебнымъ долгомъ. Въ этомъ отношеніи онъ доходилъ даже до мнительности и часто тревожился тѣмъ, что не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать того-то и того-то. Это была другая сторона его характера, и люди близко его знавшіе могли различать въ немъ эту двойственность: обыкновенно веселый, разговорчивый, снисходительный человѣкъ становился вдругъ озабоченнымъ, молчаливымъ, иногда нетерпѣливымъ... Но такіа колебанія были рѣдки.

Обыкновенно его высокая нравственная добросовѣстность хорошо сочеталась съ его живымъ нравомъ, и въ такомъ уравновѣшенномъ состояніи онъ былъ прекраснымъ

любящимъ мужемъ, чудеснымъ отцомъ и образцовымъ воспитателемъ своихъ дѣтей.

Вдумываясь теперь въ его характеръ, я не могу утверждать, что это преклоненіе передъ долгомъ было въ его натурѣ, но тѣмъ почтеннѣе и тѣмъ удивительнѣе представляется онъ мнѣ теперь: никогда и ни въ какомъ отношеніи не измѣнилъ онъ себѣ въ нашихъ глазахъ. Никогда не позволялъ онъ себѣ въ нашемъ присутствіи легкомысленнаго отзыва въ разговорѣ о вещахъ, требующихъ уваженія, никогда не видѣли мы у него ни одного поступка, идущаго въ разрѣзъ съ тѣми понятіями о нравственныхъ обязанностяхъ, которыя онъ хотѣлъ запечатлѣть въ насъ съ дѣтства.

Понятно поэтому, что и мы рано научались различать наши обязанности отъ нашихъ удовольствій, и дѣлалось это не словами, не правоученіями, не наказаніями, а тѣмъ примѣромъ, который мы всегда имѣли передъ глазами. Довольно было, чтобы отецъ сказалъ кому нибудь изъ насъ съ тѣмъ серьезнымъ видомъ, который онъ одинъ умѣлъ принимать:—„Боже сохрани, чтобы мой сынъ когда нибудь допустилъ себя до этого...“; это становилось чѣмъ-то неизгладимымъ въ нашемъ сознаніи.

И между тѣмъ это былъ человекъ охотно идущій на шутку, любящій поговорить, позабавиться и посмѣяться.

Практическая жизнь притупляетъ остроту дѣтскихъ впечатлѣній, но воспринятый въ дѣтствѣ принципъ остается жить въ человекѣ до конца его дней и является обыкновенно безсознательнымъ направителемъ его поступковъ.

Нашу милую маму всѣ мы любили съ дѣтскою теплотою и сохранили эту любовь до конца ея жизни. Она удивительно умѣла согрѣть домашній очагъ своимъ чистымъ любящимъ сердцемъ. Уже взрослыми людьми, послѣ смерти отца, мы прѣзжали къ ней въ Пелеховщину, какъ въ какое-то завѣтное мѣсто, въ которомъ для насъ воскресали милыя дѣтскія воспоминанія, а наша чудная мама своею негаснущею любовью заставляла насъ снова чувствовать себя дѣтьми.

Она много сдѣлала для нашего душевнаго развитія. Еще въ дѣтствѣ, слушая ее или читая вмѣстѣ съ нею, мы научались понимать прекрасное въ родной поэзіи; она была сама очень чутка къ красотамъ природы и не упускала случая пробудить въ насъ такое же чувство; часто рассматривая съ нами книжки съ картинками, она указывала

намъ то особенно хорошее, на что слѣдовало обратить вниманіе, и мы положительно обязаны ей чуткостью ко всему прекрасному въ литературѣ и искусствѣ.

Семья наша рѣдко бывала въ полномъ сборѣ. По мѣрѣ того какъ мы подрастали, насъ отдавали братьевъ въ Полтавскій кадетскій корпусъ, сестеръ въ Полтавскій институтъ. Правила тогдашнихъ закрытыхъ заведеній и отсутствіе желѣзныхъ дорогъ вело къ тому, что нѣкоторые изъ насъ, особенно старшіе, подолгу не бывали дома.

Я, послѣ перевода изъ Полтавскаго корпуса въ Дворянскій полкъ, не былъ дома свыше четырехъ лѣтъ. Случаю однако позднѣе, когда я былъ уже офицеромъ, а Ольга Дмитриевна окончила институтъ, что мы собирались всѣ вмѣстѣ, и какіе это были веселые, полные жизни, счастливые дни.

Несмотря на большую разницу въ нашемъ возрастѣ, всѣхъ насъ вынянчила, одного за другимъ, одна и та же старая няня, Агафья Федоровна. Родомъ она была изъ Поставмукъ и пріѣхала въ Пелеховщину вмѣстѣ съ мамой. Она была маминой кормилицей и потомъ ухаживала за всѣми ея дѣтьми. Это была добрая, высоконравственная, глубоко религіозная, простая женщина, тихая, молчаливая и трогательно преданная мамѣ. Насъ, дѣтей, она берегла, какъ зеницу ока, и всѣ свои мысли и всю свою заботу сосредоточивала на насъ. Она пѣла намъ наивныя и мелодичныя, малорусскія, колыбельныя пѣсни, она рассказывала намъ интересныя, то волшебныя, то забавныя, малорусскія сказки; она положительно не отходила отъ насъ, когда намъ нездоровилось; съ ея небольшою дочкою Марусей, мы играли въ домашнія малорусскія игры, и всѣ мы очень были привязаны къ нашей доброй нянѣ. Всѣ мы научались у нея малорусскому языку такъ твердо, что не забываемъ его до преклоннаго возраста.

VI.

Нашъ дѣтскій день былъ обыкновенно хорошо наполненъ.

Конечно, веселье и скука—понятія относительныя. Моя гувернантка Юлія Осиповна Санковская скучала въ Пелеховщинѣ, и меня отвозили съ нею въ Пятигорцы въ надеждѣ, что ей тамъ будетъ веселѣе; меня, однако, оставляли

тамъ не для развлеченія, а напротивъ думали, что тамъ буду сосредоточеннѣе учиться. Расчеты эти, сколько помню, не оправдывались; Юлія Осиповна скучала въ Пятигорцахъ не меньше, чѣмъ въ Пелеховщинѣ, а меня тамъ баловали, пожалуй, еще больше, чѣмъ дома. Тетя Анна Степановна души во мнѣ не чаяла.

Нашъ деревенскій домъ былъ не великъ, но помѣстителенъ; по крайней мѣрѣ, никогда въ немъ не было намъ тѣсно. Это былъ типичный помѣщичій домъ средней руки: рубленый, плотно обмазанный глиною снаружи и внутри и потому теплый зимою и прохладный лѣтомъ. Уже при Варварѣ Ивановнѣ онъ былъ обставленъ „по-пански“, были тутъ и стулья, и диваны, и кресла („порушныци“, какъ ихъ называла Хотина), но все это было неудобное, старое и топорное. На моей уже памяти, къ намъ приходили изъ Пятигорецъ столяры и дѣлали новую мебель „подъ красное дерево“ для гостиной.

За исключеніемъ учебныхъ часовъ дѣти проводили у насъ почти все время на воздухѣ, и лѣтомъ и зимою; отецъ хотѣлъ закалить насъ физически и потому требовалъ, чтобы послѣ лѣтняго дождя мы непременно снимали обувь и шли бродить по лужамъ босыми ногами.

Были у насъ развлеченія во всѣ времена года. Въ осеннее или зимнее ненастье у насъ были и книжки, и игры, и нянины сказки. Окончивъ утренніе уроки или послѣобѣденное письмо, подъ руководствомъ Юліи Осиповны, бывало съ наслажденіемъ идемъ гулять даже въ морозные дни, и въ такомъ случаѣ непременно попадаешь на замерзшую лужу и начинаешь пробовать свои силы въ катаньѣ по льду, хорошо очищенному уже деревенскими мальчишками, которые при этомъ случаѣ начинаютъ состязаться съ панычемъ. Коньковъ тогда еще не было; мы скользили прямо подошвами.

У насъ въ Пелеховщинѣ былъ большой садъ, со старыми развѣсистыми дубами и вербами, съ высокими берестами и серебристыми тополями... Теперь онъ сталъ вдвое больше благодаря заботамъ моей милой жены, но и тогда онъ былъ великъ для обыкновеннаго господскаго сада. Деревья были такъ крупны и такъ богаты зеленью, что нашу Пелеховщину можно было издали отличить между всѣми соседними селами, деревнями и хуторами. Бывало, возвращаешься съ дальней поѣздки и версть за восемь уже радостно показываешь мамѣ:—„Посмотрите, вонъ и Пелехов-

щина уже видна“... И дѣйствительно ее ясно можно было различить въ степной дали.

Отецъ и мать очень заботливо ухаживали за садомъ. Отецъ насадилъ въ немъ длинную липовую аллею; она и теперь является лучшимъ его украшеніемъ и представляется мнѣ какъ бы памятникомъ, который воздвигъ себѣ отецъ въ родной Пелеховщинѣ.

Его же заботами выращены тѣ огромные клены, которые окаймляютъ нашъ садъ.

Мама отдавала много заботъ фруктовымъ деревьямъ, и мы наслаждались въ нашемъ дѣтствѣ превосходными грушами, яблоками, сливами, вишнями.

Въ сторонѣ отъ липовой аллеи стояла большая пасѣка, тихое, укромное мѣсто съ несмолкаемымъ гудѣньемъ пчелъ съ образомъ Зосимы и Савватія въ глубинѣ подъ небольшимъ навѣсикомъ, и съ дѣдомъ Моисеемъ, всегда чѣмъ то серьезно занятымъ у своей катраги, и говорящимъ не иначе какъ отрывисто и вполголоса. Говорили, что пчелы никогда его не кусали.

По другую сторону сада въ „долинѣ“ была копанка, всегда полная воды и прячущаяся въ высокихъ осокахъ. Должно быть у этого самаго мѣста и жилъ старый Пелехъ, давшій свое имя нашей деревнѣ.

Мы, дѣти, цѣлыми лѣтними днями гуляли въ саду, и я думаю, что онъ у всѣхъ насъ остался въ воспоминаніяхъ, какъ милое, родное мѣсто.

Когда я подросъ, отецъ мой сталъ довольно часто брать меня съ собою по хозяйству. Ему хотѣлось, чтобы я узналъ всѣхъ нашихъ людей, и чтобы люди часто видѣли меня и полюбили.

Подходимъ мы, бывало, къ косарямъ, онъ привѣтливо здоровается съ ними, говоритъ общепринятое въ Малороссіи у рабочихъ людей „помогай Богъ“ и требуетъ, чтобы и я непременно съ ними поздоровался. Случается при этомъ такъ, что какой нибудь Олекса или Оверко подносятъ мнѣ выкошенное перепелиное гнѣздо полное яицъ и объясняютъ, что они нарочно оставили его для паныча. А то бывало и такъ, что подъ косою у разумнаго Павла Дубровы оказывается конфета, и онъ зоветъ меня: „А пожалуйста сюда, панычу, не разберете ли вы что это такое?..“ Такими приемами отецъ мой хотѣлъ пріохотить меня къ хозяйству. Подобнымъ же образомъ велъ онъ и другихъ моихъ братьевъ.

Въ хорошую погоду мы ѣздили иногда всею семьей на косовицу въ „плавни“, версть за 15 отъ дому, и иногда оставались тамъ и на ночь подъ шатромъ, устроеннымъ изъ ковровъ и крестьянскихъ вилъ. Эти плавни лежали близъ Чигринъ-Дубровы, на рукавахъ, отдѣляющихся отъ главнаго русла Днѣпра. Это были славные дни; мы, дѣти, купались, бродили босикомъ по песку, собирали разнообразныя раковинки, ходили съ кучеромъ Ванькою на охоту, ловили рыбу съ заправскими рыболовами, и потомъ вечеромъ, проголодавшись, съ наслажденіемъ ѣли уху и гречневыя галушки или пшенный кулешъ. Одно неудобство было въ плавняхъ, это—комары; они не давали мнѣ спать, и потомъ я цѣлую недѣлю носилъ волдыри на лицѣ, на шеѣ и на рукахъ.

У отца былъ небольшой, но превосходный конскій заводъ. Были двѣ чудныя лошади, съ дипломами, свидѣтельствовавшими о ихъ породистомъ происхожденіи, Леопольдъ и Снуксъ. Одинъ изъ нихъ рѣзвый, изящный, блестялъ на солнцѣ какъ червонное золото, другой—солидный, статный, гнѣдой масти, отличался мѣрными движеніями и чудесно выгибалъ свою шею. Видя постоянно передъ глазами такіе красивые экземпляры, всѣ мы естественно становились любителями и даже до нѣкоторой степени знатоками лошадей.

Хочу отмѣтить, что всѣ мы особенно радовались въ Пелеховщинѣ, когда къ намъ пріѣзжали изъ Пятигорецъ дядя и тети фонъ-Райзеръ. Они бывали у насъ по цѣсколько разъ въ годъ и оставались обыкновенно дней пять, шесть, а то и больше. Они очень тепло относились ко всѣмъ намъ, и мы отъ мала до велика платили имъ тѣмъ же. Ожидая ихъ, обыкновенно передъ вечеромъ, всѣ мы, и родители и дѣти, выходили на Острую могилу и смотрѣли вдоль дороги по направленію къ Гринькамъ, не покажется ли вдали дормезъ, запряженный шестеркой съ фореиторомъ; первый всегда почти замѣтитъ папа, и всѣ мы съ нетерпѣніемъ ждемъ приближенія кареты, въ которую тети забираютъ дѣтей помоложе, чтобы прокатить ихъ до дому. Въ свою очередь и мы нѣсколько разъ въ годъ ѣздили въ Пятигорцы, выбирая для этого время, свободное отъ хозяйственныхъ заботъ и удобное по состоянію дорогъ. Въ весеннюю распутицу, когда въ Лукомъѣ разливалась Сула, сообщеніе между Пелеховщиною и Пятигорцами прекращалось. Я описывалъ уже эти поѣздки въ Пятигорцы въ мо-

ихъ воспоминаніяхъ о семействѣ фонъ-Райзеръ („Прекра- тившійся родъ“).

Сосѣди помѣщики охотно у насъ бывали, и, когда мои родители ѣздили въ гости, то часто брали съ собою и меня, такъ что я съ дѣтства еще помню всѣхъ нашихъ окрест- ныхъ помѣщиковъ.

Кажется, не ошибусь, если скажу, что хотя мы не пользовались большими средствами и не могли дѣлать роскошныхъ пріемовъ, но бывать у насъ считалось своего рода преимуществомъ, такъ какъ мой отецъ пользовался въ сосѣдствѣ большимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ обра- зованный, твердый въ нравственныхъ правилахъ и очень пріятный собесѣдникъ.

Разъ въ годъ у насъ бывалъ исключительный большой пріемъ, именно 26 октября, въ день именинъ отца. Пріѣз- жали къ этому дню дядя и тети изъ Пятигорецъ, непре- мѣнно бывали всѣ наши родственники изъ Вишенекъ, изъ Петрашевки, пріѣзжалъ изъ Пронозовки Иванъ Григорье- вичъ, всегда бывали близкіе сосѣди—почтенный отставной полковникъ Леонтій Дмитриевичъ Пестржецкій со своею супругою, Валерьянъ Александровичъ и Амалія Осиповна Булюбашъ, а иногда и еще кое кто. Большинство собира- лось къ обѣду, и мнѣ приходится теперь серьезно уди- вляться тому искусству и радушію, съ какимъ мои родители умѣли принять всѣхъ этихъ гостей. Большую помощь въ хозяйственномъ отношеніи оказывала мамѣ тетя, Анна Сте- пановна.

Въ дѣтствѣ моемъ я очень любилъ, когда отецъ мой бралъ меня съ собою въ какую нибудь поѣздку. Онъ былъ превосходнымъ спутникомъ, разговорчивымъ и поучитель- нымъ. Ничто встрѣчающееся на пути не ускользало отъ его вниманія и по поводу всего у него былъ готовый рассказъ. Я много узналъ отъ него и бытовыхъ, и историческихъ, и анекдотическихъ подробностей о разныхъ мѣстностяхъ и о разныхъ людяхъ и старыхъ и новыхъ. Въ Гродижскѣ, въ Кременчугѣ и на пути въ Полтаву, онъ умѣлъ уютно рас- положиться на постояломъ дворѣ (гостинницъ тогда еще не было) и любилъ вести бесѣду съ хозяевами.

Онъ вообще прекрасно приспособлялся къ пониманію своихъ слушателей. Никто не умѣлъ говорить вразуми- тельнѣе и, когда нужно, добродушнѣе, съ простымъ наро- домъ; онъ чудесно выдерживалъ военный складъ рѣчи съ тогдашними отставными солдатами. Содержатели постоя-

лыхъ дворовъ встрѣчали его обыкновенно съ большимъ радушіемъ, и я думаю, никому они съ такою охотою не рассказывали о разныхъ происшествіяхъ, слухахъ и толкахъ, какъ моему отцу. Позднѣе мнѣ приходилось слышать отъ этихъ людей, что такого барина какъ Дмитрій Петровичъ не было другого въ околodкѣ. Все-то онъ знаетъ, все-то онъ выслушаетъ, на всякій вопросъ дастъ хорошій отвѣтъ, и такой ужъ добрый, обходительный господинъ.

Въ дневникѣ у отца, въ 1858 г., есть такая записъ: „Пріѣхали въ Омельникъ (первый ночлегъ по пути въ Полтаву), хозяинъ старикъ (Коноваловъ) сидитъ на крыльцѣ, а уже стемнѣло: „можно заѣхать?“ — „Нельзя, скотъ на дворѣ, ищите другого двора“. — „Такъ насъ и не пустите Николай Тимофѣевичъ?“ — „А! это вы, Дмитрій Петровичъ, просимъ покорно“. — „А скотъ?“ — „Да скота немного, для вашихъ лошадей мѣсто будетъ“.

Скажу къ слову, что и эти содержатели постоянныхъ дворовъ, и самые эти дворы представляются мнѣ теперь чѣмъ-то очень стародавнимъ, а между тѣмъ я много бы далъ, чтобы очутиться теперь въ Градижскѣ, заштатномъ городѣ верстахъ въ 18 отъ насъ, на хорошо извѣстномъ въ то время постояломъ дворѣ Симона Леонтьевича и Елены Петровны. Сколько эти люди знали забытой уже теперь украинской старины!

Пріѣзжаемъ мы бывало съ отцомъ, холоднымъ зимнимъ вечеромъ въ Градижскѣ, наканунѣ никольской ярмарки, пьемъ чай съ вкусными градижскими бубликами въ парадной комнаткѣ постоялаго двора, и отецъ мой непременно приглашаетъ къ чаю и хозяина и хозяйку.

Симонъ Леонтьевичъ высокій и худой человекъ съ какими-то уродливыми наростами на длинномъ носу, говоритъ степенно, не торопясь, и касается больше гражданскихъ дѣлъ. Рассказываетъ онъ о гражданской старинѣ и никакъ не хочетъ уступить первенства Кременчугу.

— „Помилуйте! Кременчугъ и городомъ то сталъ только съ тѣхъ поръ, какъ покойная царица, царство ей небесное, проѣхала внизъ по Днѣпру, а Градижскъ былъ уже тогда стариннымъ городомъ, называли его просто Городище, и папенька мой былъ какъ разъ въ то время городскимъ головою, а исправникомъ былъ большой панъ и вашъ родственникъ Данило Александровичъ...“ Вспоминаетъ Симонъ Леонтьевичъ какъ и самъ онъ былъ потомъ Градижскимъ городскимъ головою, какъ приходили къ нему пакеты съ

припечатаннымъ перомъ, въ знакъ чрезвычайной важности и спѣшности дѣла, и какъ умѣло справлялся онъ съ такими дѣлами.

Разсказываетъ онъ и о старыхъ людяхъ, окрестныхъ помѣщикахъ, которыхъ всѣхъ онъ хорошо зналъ, и какія интересныя яркія картины воскресаютъ въ его разсказахъ. Любилъ онъ толковать и о современныхъ происшествіяхъ: — „Скажу вамъ, Дмитрій Петровичъ, какой теперь народъ сталъ легковѣрный, просто срамъ. Пустите самую несуразную молву—повѣрятъ, ей Богу повѣрятъ....“

— „Изъ чего вы это заключаете?“ спрашиваетъ отецъ.

— „А вотъ былъ у насъ такой случай,—начинаетъ Симонъ Леонтьевичъ своимъ мѣрнымъ голосомъ:—„Разнесся какъ-то слухъ, что по нашей окрестности рыскаютъ французскіе солдатики и розыскиваютъ помѣщика Мусенко. Откуда, зачѣмъ? А затѣмъ, говорятъ, что писалъ онъ будто бы Наполеону, чтобы онъ немедленно вывелъ свои войска изъ Крыма, а то рано или поздно онъ съ ними раздѣляется.... И повѣрили, да какъ повѣрили! Одно время всѣ объ этомъ только и говорили, и что бы вы думали? самъ этотъ господинъ, большой шутникъ, и пустилъ этотъ слухъ, да такъ ловко: разсказалъ подъ строжайшимъ секретомъ Александру Лукичу, а тотъ конечно подъ такимъ же секретомъ сталъ разсказывать и направо и налѣво.... Нашелся, однако, чело-вѣкъ, который вывелъ все это на чистую воду. Да перестаньте, говорить, вздоръ болтать! скрывается то онъ дѣйствительно скрывался, и теперь иногда скрывается, да только не отъ Наполеона, а отъ еврея, который ловитъ его за долги....“

Елена Петровна, дама живого характера; она перебиваетъ мужа и вставляетъ свои замѣчанія, но любитъ она говорить больше о духовныхъ дѣлахъ. Любитъ она возвращаться мыслью къ упраздненному градижскому монастырю, стоявшему на высокой горѣ, круто, почти отвѣсно спускающейся къ Гирману, рукаву Днѣпра, за которымъ съ горы открывалась необъятная заднѣпровская даль. Разсказывала она объ архіерейскихъ пріѣздахъ въ монастырь, сѣтовала, что теперь въ большіе праздники, какъ завтра, не бываетъ уже такихъ торжественныхъ служеній, какъ прежде, когда бывало пріѣзжали и духовенство и пѣвчіе, не то что изъ Хорола, а даже изъ Миргорода; но много она знаетъ и о томъ, что дѣлается въ околodкѣ, и относится къ этому со-всѣмъ не такъ спокойно какъ Симонъ Леонтьевичъ... Гово-

ритъ она очень краснорѣчиво, особенно прихлебнувши изъ рюмочки, отъ которой долго отказывается и которую пьетъ маленькими глотками съ большими гримасами....

Отецъ мой умѣетъ ихъ слушать и особенно умѣетъ побудить ихъ къ дальнѣйшимъ разсказамъ. Онъ и любилъ и зналъ старину, онъ прекрасно умѣлъ очистить правду въ этихъ разсказахъ отъ неизбѣжныхъ выдумокъ и потому никогда не скучали такими вечерами.

Самыя комнаты въ этихъ постоялыхъ дворахъ могли бы теперь представить нѣкоторый интересъ для любителя старины. Въ комнатахъ у Симона Леонтьевича я видѣлъ такія картинки, за которыя теперь платятъ деньги. Тамъ я увидѣлъ въ первый разъ извѣстную гравюру „Кончина Императора Александра I“, и отецъ показывалъ мнѣ фигуры Виллие, Дибича, Тарасова, Волконскаго... Тамъ же была рѣдкая теперь картинка съ изображеніемъ Николая Павловича и Александры Ѳеодоровны, катающихся въ шарабанѣ... Была цѣлая серія большихъ французскихъ гравюръ съ исторіей о блудномъ сынѣ, были старинныя лубочныя картины, которыя теперь тщетно разыскиваются собирателями.

Ничего этого теперь нѣтъ, какъ будто никогда не бывало: хозяевъ теперь едва ли кто и помнитъ, а домъ сгорѣлъ до тла еще при жизни Елены Петровны.

Это описаніе страдало бы большимъ пробѣломъ, если бы я ничего не сказалъ о томъ религіозномъ настроеніи, которое царило у насъ въ домѣ.

Мама моя была глубоко набожна. Когда сложилась у нея эта набожность, я не умѣю сказать, думаю, однако, что она окрѣпла уже въ Пелеховщинѣ, послѣ выхода ея замужъ. Не знаю также, имѣлъ ли на нее въ этомъ отношеніи какое нибудь вліяніе мой отецъ. Онъ повидимому не носилъ въ себѣ непрерывнаго молитвеннаго настроенія, но былъ очень твердъ въ исполненіи всѣхъ религіозныхъ требованій; ежедневно утромъ и вечеромъ набожно молился Богу, по праздникамъ ѣздилъ въ церковь и никогда даже не говорилъ о религіи иначе, какъ съ набожнымъ выраженіемъ лица. Мама моя временами вся погружалась въ религіозное созерцаніе, читала житія святыхъ, иногда привлекая кого нибудь изъ насъ къ слушанію этого чтенія, по долгу углублялась въ молитву и любила бесѣдовать со странниками. Сколько припоминаю, однако, у нея не было и тѣни ханжества; ея набожность связывалась съ ея большою

отзывчивостью ко всему высокому, доброму и прекрасному; она молилась какъ бы удовлетворяя внутреннему стремленію къ высокимъ идеаламъ.

Няня тоже была религіозна, и утромъ и вечеромъ она вполголоса читала передъ образомъ молитвы, не всегда правильно произнося славянскія выраженія, но молилась она такъ истово, что ни одинъ изъ насъ не рѣшился бы потревожить ее въ это время.

Мой дѣдъ и всѣ наши родственники, выселившіеся на степь, были прихожанами села Броварки, верстахъ въ пяти отъ насъ. Но, на моей уже памяти, когда мнѣ было года два, была закончена и освящена новая церковь въ Кирьяковкѣ, во имя митрополита Алексѣя. Это было всего верстахъ въ трехъ отъ насъ, и родители мои стали прихожанамъ и этой новой церкви. Владѣльцемъ Кирьяковки былъ Адамъ Алексѣевичъ Кирьяковъ, большой пріятель моего отца. Я буду говорить о немъ ниже.

Священникомъ въ Кирьяковкѣ былъ отецъ Кириллъ Стаховскій, человѣкъ крупный, съ рѣзкими чертами лица, но съ хорошимъ голосомъ, и служилъ онъ, пока не ощутилъ, очень торжественно.

Священникомъ въ Броваркахъ былъ отецъ Иванъ Ильчинскій.

Сколько помню, оба священника, и броварскій и кирьяковскій всегда пріѣзжали къ намъ славить Христа на Рождество, на Крещеніе, на Пасху. По малорусскому обычаю, начало котораго надо искать, вѣроятно, въ старинныхъ бурсацкихъ христославленіяхъ, псаломщики въ Крещеніе рисовали мѣломъ на дверяхъ схематическое изображеніе креста, адамовой головы и двухъ копій, испещренное инициалами этихъ предметовъ, и такой рисунокъ оставался у насъ нетронутымъ до Свѣтлаго праздника.

Въ страстной четвергъ надо было привезти домой изъ церкви зажженную свѣчу. Баба Хотина, какъ это было заведено еще при прабабушкѣ Варварѣ Ивановнѣ, чертила пламенемъ такой свѣчки маленькій крестикъ на притолокѣ входной двери. Отъ ежегоднаго повторенія этого обычая крестикъ имѣлъ стойкій черный цвѣтъ и былъ даже нѣсколько углубленъ. Тутъ было много дѣтской чистой вѣры въ этихъ маленькихъ обрядахъ.

Надо вообще сказать, что большіе праздники проводились у насъ какъ-то истово, чинно, и съ соблюденіемъ старинныхъ малороссійскихъ обычаевъ. Въ рождественскій со-

чельникъ съ утра, въ столовой, передъ образами, на особомъ столикѣ, стояли въ сѣнѣ горшки съ кутьею и узваромъ. День былъ постный, полагалось не ѣсть до звѣзды, и потомъ торжественно съ молитвою всѣ садились за столъ, уставленный, тоже по родному обычаю, пирогами съ разною начинкою: съ грибами, съ рыбой, съ макомъ... На первый день, въ Рождество, вечеромъ, парубки и подростки колядовали подъ окнами и получали за это то сушеныхъ фруктовъ, то пряниковъ, то маковниковъ...

Канунъ новаго года „щедрый вечеръ“ бывалъ у насъ дѣйствительно веселымъ и щедрымъ. Въ этотъ вечеръ у насъ бывала елка; прѣзжали Иванъ Григорьевичъ, Иванъ Ивановичъ, а иногда далекіе пятигорскіе родные. Подъ окнами щедровали веселые хлопцы и дивчата, и мы мирно, дружной семьей проводили старый и встрѣчали новый годъ.

На слѣдующее утро мальчишки, наши сверстники, приходили „посыпать“ насъ зерномъ, пока мы лежали еще въ постели. Близко подойдя къ кровати, кидали изъ пригоршни зерно прямо на одѣяло и въ лицо, и приговаривали: „Роди Боже жито и пшеницу, всяку пашницу, на счастье, на адоровье такого-то“.

Вечеромъ, передъ большими праздниками, мама зажигала обыкновенно большую восковую свѣчу изъ собственнаго воска и собственной работы. Свѣча въ большомъ мѣдномъ подсвѣчникѣ, поставленномъ изъ предосторожности въ широкій мѣдный тазъ, горѣла до утра, и это придавало какую-то торжественность предпраздничной ночи.

Рисуется въ моемъ воображеніи и Свѣтлый праздникъ съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ вокругъ деревянной церкви въ звѣздную весеннюю ночь, со всеобщимъ христосываніемъ, съ малорусскими „писанками“, какихъ теперь больше не дѣлаютъ, и съ жаренымъ барашкомъ за праздничнымъ столомъ; ярко представляю я себѣ и Зеленый праздникъ, настоящій зеленый, такъ какъ зелено у насъ и въ комнатахъ: на полу свѣжая душистая трава, по стѣнамъ роскошныя кленовыя вѣтки; въ воздухѣ запахъ сирени и бѣлой акаціи...

Вспоминаю все это съ теплымъ чувствомъ, и мнѣ какъ-то грустно, что ничего этого теперь уже не встрѣтишь въ интеллигентной помѣщичьей средѣ. Это уваженіе къ стариннымъ обрядамъ и обычаямъ вносило какую-то теплоту

и вдумчивость въ общій строй семьи; такъ создавалось что-то дорогое и родное, что дѣти долго хранили потомъ въ своемъ сердцѣ.

Изъ странниковъ, появлявшихся у насъ, я помню двухъ: Якова и Іуду. Послѣдній заходилъ къ намъ раза по два въ годъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Онъ побывалъ въ Іерусалимѣ, и всѣ мы съ любопытствомъ слушали его рассказы о Святой землѣ. Все ли въ нихъ было правда, Богъ его знаетъ, но рассказывалъ онъ очень занимательно. Онъ принесъ намъ изъ Іерусалима большой перламутровый крестъ и модель гроба Господня.

Человѣкъ онъ былъ совсѣмъ не просвѣщенный, едва умѣлъ читать, и въ разговорѣ его чувствовался простодушный малорусскій крестьянинъ. Родомъ онъ былъ изъ Буромки, за Сулою, и былъ крѣпостнымъ Багрѣвыхъ. Казалось бы, что могло быть общаго между нимъ и изысканнымъ французскимъ сочиненіемъ о Святой землѣ. Однако мнѣ попались какъ-то подъ руки воспоминанія г-жи Багрѣвой; они писаны на французскомъ языкѣ и въ нихъ она отводитъ довольно видное мѣсто своему крѣпостному Іудѣ (à son serf Judas), котораго она встрѣтила въ Іерусалимѣ, и который оказалъ ей даже какія-то услуги, какъ знатокъ мѣстныхъ обычаевъ и нравовъ.

А. Д. Бутовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

